

И.В. Тункина

НЕКРОПОЛЬ ФЕОДОСИИ: «РАСКОПКИ» И.К. АЙВАЗОВСКОГО (1853 г.)

Курганный некрополь Феодосии, по сравнению с некрополями других севернопричерноморских античных центров, изучен крайне слабо. Так, академик М.И. Ростовцев ошибочно утверждал, что подробной информации о его исследовании в прошлом мы не имеем (Ростовцев, 1925. С. 251, 252). Однако отчеты и переписка о раскопках, которые проводились местными антиквариями в середине XIX в., просто не были востребованы ни их современниками, ни последующими поколениями археологов, несмотря на то, что эти документы сохранились в архивах Петербурга и Одессы (Петрова, 2002. С. 598–607; Петрова, Карпенко, 2004. С. 37–47; Тункина, 2002. С. 255, 267, 292, прим. 86; 2011. С. 189–222). К их числу относятся раскопки художника-мариниста, профессора Императорской Академии художеств Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1900), которые обогатили Императорский Эрмитаж всемирно известными памятниками античного искусства.

Инициатором систематических археологических исследований античного некрополя Феодосии стал глава Комиссии для исследования древностей, министр уделов, управляющий Кабинетом Его Императорского Величества граф Лев Алексеевич Перовский (1792–1856). 3 апреля 1853 г. он сообщил исполняющему обязанности генерал-губернатора Новороссии П.И. Федорову о планах произвести раскопки за государственный счет на земле, принадлежащей городу Феодосии. Граф просил местное начальство оказать содействие руководителю раскопок, профессору Академии художеств И.К. Айвазовскому, уроженцу и патриоту города. В тот же день Л.А. Перовский, в ведении которого с 1852 г. находилась Академия художеств, обратился к самому художнику с просьбой «заняться раскопками в виде опыта», чтобы по их результатам судить о дальнейших перспективах археологических исследова-

ований. Граф выделил на проведение работ 1500 руб. серебром, с приходо-расходной книгой, и 22 апреля 1853 г. распорядился отправить в Крым «ящик с комплектом снарядов» (инструментов), необходимых для проведения работ: «три разной величины ножа для осторожного ощупывания и отделения земли, которая обыкновенно находится под крышей древней гробницы, и три особенно приспособленных решета для просеивания при раскопках земли в несколько раз, дабы не оставить в оной мелких древних вещей». Ответным письмом от 12 мая 1853 г. И.К. Айвазовский уведомил Л.А. Перовского о получении 1500 руб. серебром «для археологических розысканий близ Феодосии» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–4).

Первоначально раскопки велись «нами» в центре насыпи трех курганов, уцелевших на гребне горы, лежащей в южном направлении от городского карантина. Каждый из этих курганов имел окружность от 30 (63.9 м) до 35 (74.55 м) сажень, при высоте не более сажени (2.13 м). «Форма их обыкновенная, – писал об этих курганах директор Керченского музея А.Е. Люценко, – основание скалистое, имеют насыпь, состоящую из глинистой земли, смешанной с хрящем и мелким камнем» (РА ИИМК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). В *первом* из курганов, лежавшем «впереди прочих», художник открыл «земляную гробницу» (грунтовую яму в материке) с золотыми вещами; во *втором* кургане, расположенном позади первого – кувшин с сожженными костями, перемешанными с углем и золой (кремацию в сосуде); в *третьем*, находящемся несколько левее означенных, – «жженную гробницу» (кремацию) с «кусочками расплавленного в ней золота».

О первых результатах работ И.К. Айвазовский уведомил Л.А. Перовского письмом от 6 июля 1853 г. из Феодосии (рис. 1):

№ 2163.
31 июля 1853.

5.

Ваше Высочество

Министр Государств.

Гражд. Князь Александров!

При всем моем желании приступить,
не удалось по причине моего, на рас-
копках курганов в Феодосии, в не мно-
гой работе ранне 20 июля, по не-
малой работе, каморные были замесы
устроенны в Феодосии. По времени
уже Россия, впрочем, имеет курганов
в каморных иерею не наших, арант
разбитых курганов сд умышленно, и
госпо, по время не: в каморных

Рис. 1. Письмо И. К. Айвазовского к министру уделов графу Л.А. Перовскому о первых результатах раскопок в некрополе Феодосии. Из Феодосии в Петербург. 6 июля 1853 г. Автограф. НА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 5-6.

Курганіт мамини прасно пада землей
в гойт, зростаючій меншею часому саму
уздану роботу, и втеранно зростаючій
украинским кова видно, и меншею
марядом, такме кура прервані
вогнє кова сурині? Фигуровані вога.

Ся бина не панаі ошарованно
вн мамини відметанно, Фигурован
ну, и такме втеранно Фигурован
момент, канорані в кургані в
Бодасіи и кошовані канорані в
Сосноу городі, Кова кова и не
вкритані в Фигурован не сикані в
сваго сикані, но вно канорані
до канорані зростаючій, вид кова. Фигурован
матані в в востаннєм. зр Бодасіи
и в сикані канорані вно не канорані
вудані мамини трудн и в сикані Фигурован
вкритані. Фигуровані вно Фигурован
Бодасіи вно канорані вно канорані.

Рис. 1 (Продолжение)

Съ помянутой помянутой Я именованъ Бюро
 Уставъ министерства Писемъ Вашего Свѣ-
 тейства, съ назначеніемъ 2000. руб. су-
 ма посправа Кардана. Подписана
 Бюро съветника въсправа въ 1850,
 руб. сум. и въ 1-му Январю 1854-го года
 Бюро помянутой, но омишляние делъ
 по указанию Вашему Бюро помянутой
 и въ распоряженіи помянутой по указанию
 Вашего участка.

Съ Бюро помянутой Бюро помянутой
 помянутой, Бюро помянутой

Министерства Писемъ

Вашего Свѣтлейства

Бюро помянутой
 6-го Января
 1853.

помянутой Бюро помянутой
 О. А. Бюро помянутой

Рис. 1 (Окончание)

«При всем моем желании приступить немедленно по приезде моем к раскопке курганов в Феодосии я не мог начать работы ранее 28 июня по недостатку рабочих, которые были заняты уборкою хлеба в деревнях. До вчерашнего числа открыли пять курганов, в которых ничего не нашли, кроме разбитых кувшинов с углями и золой, но вчера, т.е. в пятом кургане, нашли просто под землей в золе, золотую женскую голову самой изящной работы и несколько золотых украшений, как видно, с женской наряды⁷, также куски прекрасной вазы, как лучший этрусской вазы⁸.

С этой же почтой отправляю к Вашему Сиятельству эту головку, и также несколько древних монет, которых я купил в Феодосии и которые найдены в самом городе. Как новый и неопытный археолог, не смею дать своего мнения, но что касается до головки золотой, то, как артист, я в восхищении за Феодосией. [Эта находка⁹] дает надежду, что не напрасны будут наши труды, и все эти открытия доказывают, что древняя Феодосия была на этом же месте.

С последней почтой я имел честь получить письмо Вашего Сиятельства с вложением 2000 руб. сер. на постройку кордона. Подрядчик взялся [советом] выстроить за 1700 руб. сер. и к 1 апреля 1854 года будет готов. На остальные деньги по указанию Вашему куплю камней и на раскопку канавы по границе Вашего участка» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–6)¹⁰.

Дело в том, что зная о массовом характере грабительских раскопок на юге России, министр уделов Л.А. Перовский задумал оградить кордоном с охраной места проведения археологических исследований и приобретенный графом в собственность участок земли. Здесь он планировал построить археологическую базу по

⁷ Так в подлиннике. Здесь и далее стиль и пунктуация цитируемых писем сохранены.

⁸ Так в подлиннике. Имеется в виду краснофигурный сосуд.

⁹ Фраза в подлиннике отсутствует, вставлена по смыслу.

¹⁰ Фрагмент письма опубликован с ошибочным указанием места хранения (ЛОИЭ АН СССР, а не ЛОИА АН СССР, ныне ИИМК РАН) и исправленными орфографией, синтаксисом и пунктуацией в кн.: Барсамов, 1962. С. 80; Айвазовский, 1967. С. 114. № 85.

аналогии с уже существовавшей на Таманском полуострове близ ст. Сенной (античная Фанагория) в качестве опорного пункта для охраны, места проживания археологов, первичной камеральной обработки и хранения находок (Тункина, 2002. С. 303). Однако сначала из-за административных препон, затем из-за начавшейся в октябре 1853 г. Крымской войны и смерти графа Л.А. Перовского это полезное начинание не было претворено в жизнь.

Сведения о раскопках И.К. Айвазовского подтверждаются единственным рапортом хранителя Феодосийского музея древностей Е.Ф. де Вильнёва в Одесское общество истории и древностей № 7 от 26 ноября 1853 г., с перечнем находок (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 46. Л. 29–30 об). Известно, что рапорт о раскопках осени 1853 г. И.К. Айвазовского, проводившихся видимо с участием Е.Ф. де Вильнёва, был заслушан на заседании общества 16 декабря 1853 г. (Там же. Д. 3. Л. 88 об).

Согласно этому донесению, И.К. Айвазовским было вскрыто 22 кургана, в большинстве которых оказались только «разбитые амфоры, пепел, уголь и жженные кости». Лишь четыре кургана содержали погребальный инвентарь, при этом количество могил, способы погребения (трупоположение, кремация) и описание их конструкций, как и место находок погребального инвентаря им не указаны. К сожалению, свое обещание обществу «дополнить эти сведения» позднее Е.Ф. де Вильнёв не выполнил (Там же. Л. 27 об).

«Небольшая насыпь, в которой найдена была Айвазовским гробница с золотыми вещами, – уточнял директор Керченского музея древностей А.Е. Люценко, – находится поблизости монастыря Св. Илии, на крутом берегу, несколько выдавшемся в море, между двумя курганами довольно значительной величины» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 25 об).

В первом кургане (по Айвазовскому, в пятом), в четырех погребениях (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 46. Л. 30¹¹) было обнаружено 16 различных номеров находок, к

¹¹ В ряде статей (Петрова, 2002. С. 605; Петрова, Карпенко, 2004. С. 44) неверно переведено с французского как пять могил вместо четырех.

сожалению, не соотнесенных Е.Ф. де Вильнёвым с определенными комплексами (в его описи ошибочно дважды использован № 2, но пропущен № 10). Этот список существенно дополняется перечнем находок в опубликованном отчете (Извлечение... 1855) и описью вещей, поступивших в Эрмитаж. По изданным в «Древностях Боспора Киммерийского» рисункам находок (ДБК. Т. 3. Табл. XIIa, LXXa) еще С. Рейнак во французском переиздании этой книги пришел к выводу, что Айвазовским исследовано несколько разновременных комплексов (Reinach, 1892. P. 37, 52–53). Эту мысль подхватил и развил современный немецкий исследователь М. Пфроммер, который на материалах ДБК, известных западным исследователям прежде всего по изданию С. Рейнака, попытался реконструировать состав и уточнить хронологию двух из них (Pfrommer, 1990).

Привожу ставший известным по документам сводный перечень находок согласно описаниям Е.Ф. де Вильнёва, спискам вещей из раскопок И.К. Айвазовского и памятников, поступивших в Эрмитаж.

1. «Маленькая голова женщины из золота великолепной работы, прекрасно сохранившаяся»¹², в другом перечне – «золотая женская головка превосходной работы» (Извлечение... 1855. С. 126, 127). Этот предмет граф Л.А. Перовский ошибочно посчитал «верхушкой от головной булавки, представляющей женскую голову», которая «по изящности форм и хорошей сохранности представляет большую ценность и будет представлена Его Императорскому Величеству [Николаю I. – И.Т.]. Подобная этой головке уже есть в Эрмитаже, но не так хорошо сохранилась» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 7, 7 об);

2. «Золотое кольцо великолепной работы и прекрасной сохранности; большая часть из ткани шириной 0.5 вершка [≈0.02 м], эта ткань украшена маленькими листи-

¹² Имеется в виду золотая серьга (полая внутри) в виде женской головки, украшенной эмалью, на голове – стефана с зубчатым краем, в ушах – серьги в виде розеток, на шее – ожерелье в виде круглых бус. Аналогичные серьги из раскопок 1840–1841 гг. Д.В. Карейши в плитовой гробнице в Аджимушкае в Керчи опубликованы: ДБК. Т. 1. С. 52, 54 № 11; Т. 3. Табл. VII, 11.

ками, к которым привязаны цепочки, поддерживающие два ряда бусинок овальной формы, между цепочками маленькие фигурки; длина ожерелья половина аршина, ширина – немного менее вершка [≈0.04 м], оно великолепной работы и прекрасной сохранности»¹³ (рис. 2–4); в перечне «Извлечения...» – «б) ожерелье, плетеное из проволоки, с длинными привесками»; в списке вещей, поступивших в Эрмитаж – «3. Ожерелье филигранной работы» (Там же. Л. 14 № 3);

3. «Пара золотых серег той же работы, что и ожерелье, 2 вершка в длину; в верхней части четыре скакуна, ведомые стоящим человеком, другой человек – тоже стоящий – держит коней; эта часть серьги прикреплена цепочкой к медальону, украшенному листьями»¹⁴ (рис. 5–7);

¹³ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 2. «Ожерелье-тесма с тремя рядами подвесок... Ожерелье строится по распространенной в этот период схеме: плотная тесьма из мелких цепочек, спускающиеся петлевидные и одиночные цепочки с прикрепленными к ним тремя ярусами разновеликих подвесок. Места крепления цепочек замаскированы чередующимися двухъярусными розетками и протомами крылатых грифонов с раскрытой пастью (?); застежки-фермуары с филигранным орнаментом и петельками на концах... К протомам грифонов приклеплены схематично выполненные фигурки, верхняя часть которых изображает женщину, а нижняя – реберчатое туловище насекомого, скорее всего пчелу... Второй ряд зерновидных гладких подвесок крепится на коротких цепочках. К длинным петлям подвешены самые крупные бутоны со сложным филигранным узором, дополненным зернью. Завершением подвесок в двух последних рядах служат две гранулы. Сравнительная небольшая длина ожерелья и петли на завершающих пластинках указывают на то, что ожерелье украшало лишь переднюю часть шеи. Сзади оно скорее всего стягивалось лентой или шнуром». Длина 33 см, вес 115.3 г. 330–300 гг. до н.э. Цит. по: Саверкина, 1995. С. 266. Рис. 201. Впервые опубли.: ДБК. Т. 2. Табл. XIIa, 4, 4a.

¹⁴ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 1. «Пара серег, состоящих из четырех основных элементов: диска, многофигурной композиции на базе, лады и свисающих с нее цепочек с подвесками. Места соединения замаскированы розетками, пальметками, завитками, розами из «стружек» тонкой золотой ленты. Приподнятые края диска украшены несколькими рядами зерни, внутренняя поверхность покрыта филигранным узором в виде чередующихся пальметок и пятилепестковых розеток. Средняя выпуклая часть состоит из двух рядов лепестков, образующих пышную многолепестковую розетку.

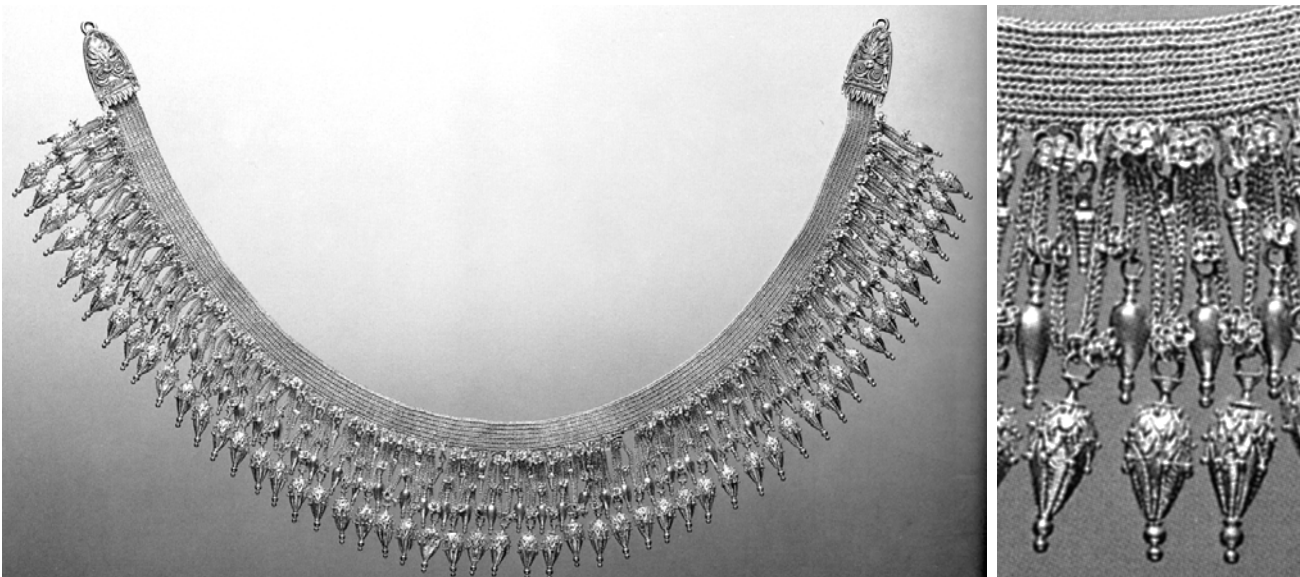
в перечне отчета – «а) серьги филигранной работы»; в списке вещей, поступивших в Эрмитаж – «№ 1 и 2. Пара серег филигранной работы» (Там же. Л. 14 № 1–2)). Эти знаменитые серьги по праву занимают первое место по мастерству своего исполнения среди ювелирных изделий роскошного стиля, явно были выполнены по заказу и стоили в античную эпоху значительных средств. Из 14 пар роскошных серег, известных на сегодняшний день, 7 были найдены именно в Северном Причерноморье. Феодосийские серьги украшены фигурками, исполненными в микротехнике,

---

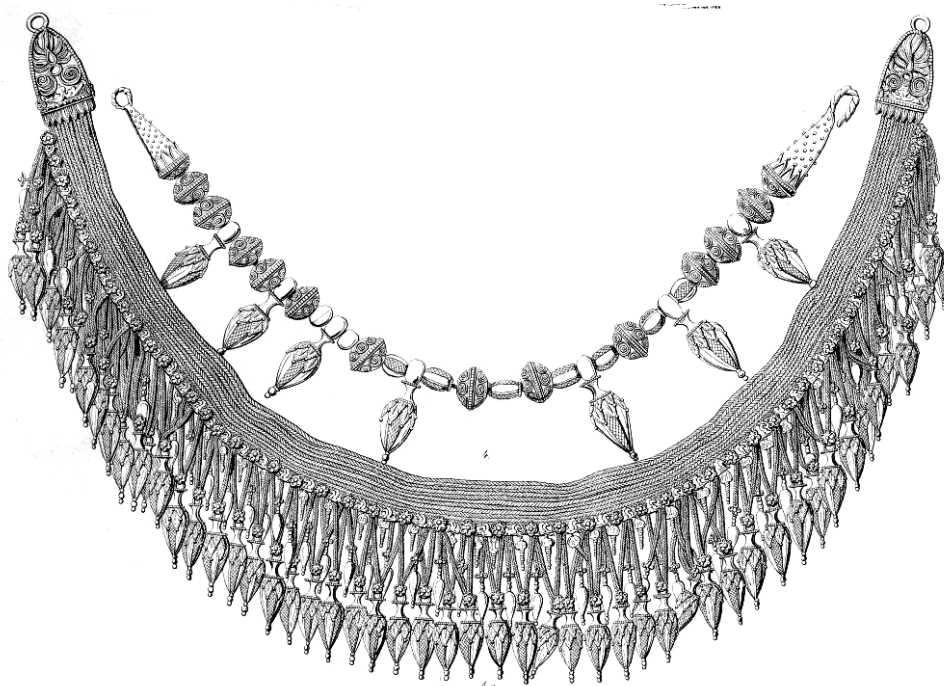
Ладья подвешена на двух цепочках, прикрытых обильным растительным орнаментом. Две обнаженные фигуры крылатых Эротов (?) замыкают буйство орнамента и фланкируют центральную сцену, размещенную на декорированной язычками базе. Четверка коней несется во весь опор, так что их передние ноги выходят за пределы базы. Ими управляет Ника, стоящая на колеснице. Рядом с ней юноша со щитом. Вся композиция, такая динамичная в целом, отличается столь миниатюрными размерами (ширина 1.2 см, высота 1.1 см), что феодосийские серьги считаются одним из прославленных образцов “греческой микротехники”. [...] Фигуры выполнены чеканом из листового золота. Ладья покрыта мельчайшей зернью, сгруппированной по четыре гранулы. Внутри ее заполняет растительный орнамент, снаружи обрамляют восемь двухъярусных розеток. От каждой розетки спускаются по две цепочки, образуя фестоны с петлями разной длины. К ним прикреплен ряд гладких зерновидных подвесок и ряд крупных бутонов с орнаментированной поверхностью. Места креплений прикрыты пальметками. Шеи бутонов образуют два соединенных опрокинутых конуса...» (цит. по: Саверкина, 1995. С. 264–265. Рис. 200). Высота 9 см, вес 22 и 22.5 г. Датировка дискуссионна – по И.И. Саверкиной 330–300 гг. до н.э. (в статье 2000 г. – около 300 г. или даже более позднее время), по Е.Я. Рогову – первая половина третьей четверти IV в. до н.э. Место производства также вызывает споры: по М.И. Максимовой – Аттика, по Б. Делпери-Липпич, М. Пфроммеру, И.И. Саверкиной – Северная Греция или западная часть Малой Азии, по Е.Я. Рогову – мастер из Южной Италии или Сицилии, работавший в Херсонесе Таврическом, по М.В. Скржинской – итальянский ювелир, живший в Северном Причерноморье. Впервые опубли.: ДБК. Т. 2. Табл. XIII, 5, 5а. См. также: Максимова, 1958. С. 62–66; Артамонов, 1966. Табл. 326–328; Соколов, 1973. С. 49. № 33; Deppert-Lippitz, 1985. S. 181–184; Pfrommer, 1990. S. 201, 205, 288. FK 170. Taf. 28, 1; 31, 12; Саверкина, 2000. С. 12–18; Рогов, 2001. Ч. 2. С. 66–73; Скржинская, 2002. С. 129–133; 2010. С. 233–235.

повторить которую современные ювелиры не в состоянии. Вместе с описанным выше ожерельем, серьги, несомненно, составляют гарнитур, ныне украшающий Золотую кладовую Эрмитажа. М. Пфроммер, в разрез с мнением большинства специалистов, датировавших как серьги, так и ожерелье в пределах от третьей четверти IV до рубежа IV–III вв. до н.э., отнес выделенный им комплекс № 2 (FK 170) к наиболее поздней дате – середине III в. до н.э. (Pfrommer, 1990. S. 201, 288. Taf. 28, 1; 31, 12).

Интерпретация сюжета изображений также дискуссионна. М.И. Максимова впервые высказала предположение, что здесь запечатлено состязание юношей-апобатов (буквально «сходящих с колесницы»), которые должны соскочить на ходу с мчащейся квадриги, управляемой Никой, символизирующей победу в состязании. Слева от фигурки богини изображен обнаженный воин-апобат со щитом в левой руке, правой рукой держащийся за передок колесницы, немного согнувший колени и откидывающий назад корпус для прыжка; высота фигурки 0.7 м (Максимова, 1958. С. 63–65). Показательно, что Ника в паре с апобатом известна только на феодосийских серьгах. На взгляд одних ученых, эта сцена могла воспроизводить реальные состязания с целью напомнить владелице серег о победе в агоне апобатов того, кто подарил ей это украшение (Саверкина, 2000. С. 20). Напротив, М.В. Скржинская полагает, что здесь, как и на других ювелирных произведениях той эпохи, изображены исключительно мифологические персонажи гигантомахии – сражения богов с гигантами. Соответственно, на серьгах представлена Ника-возница на боевой колеснице и апобат – Геракл, собирающийся спрыгнуть с колесницы для боя с гигантами. Натурой для ювелира могли послужить либо реальные панафинейские состязания апобатов, либо какая-то афинская скульптура, так как на агонии апобатов допускались исключительно афиняне (Скржинская, 2002. С. 131–133; 2010. С. 223, 224, 230–235).

Рис. 2. Золотое ожерелье-тесма с тремя рядами подвесок, найденное при раскопках И.К. Айвазовского 1853 г. 330–300 гг. до н. э. ОАМ ГЭ. Ф. 2 (по: Уильямс, Огден. 1995. С. 266 № 201).

Рис. 3. Золотое ожерелье-тесма с тремя рядами подвесок (снизу) и золотое ожерелье из 20 филигранных, чуть сдавленных бусин, 24 продолговатых с резным орнаментом, 16 амфоровидных подвесок и двух аграфов (сверху), найденные при раскопках И. К. Айвазовского 1853 г. 330–300 гг. до н. э. ОАМ ГЭ. Ф. 2 (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIIа, 3, 4).

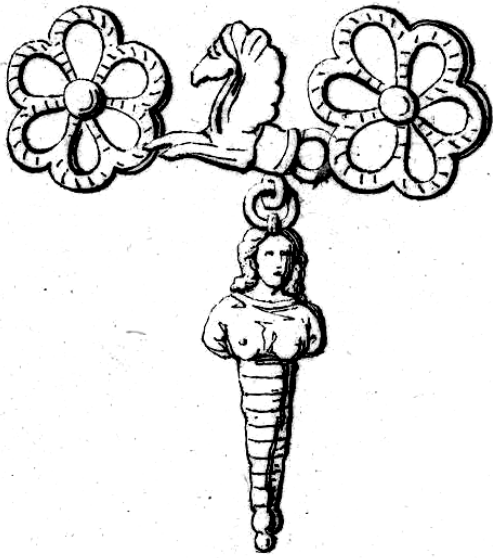

Рис. 4. Фрагмент золотого ожерелья-тесьмы с тремя рядами подвесок: розетки и протома крылатого грифона с прикрепленной фигуркой (верхняя часть – женский бюст, нижняя – реберчатое туловище насекомого, возможно, пчелы). ОАМ ГЭ. Ф. 2 (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIII, 4а).

Рис. 5. Пара золотых серег филигранной работы, найденных при раскопках И. К. Айвазовского 1853 г. 330–300 гг. до н. э. ОАМ ГЭ. Ф. 1 (по: Уильямс, Огден. 1995. С. 264 № 200).

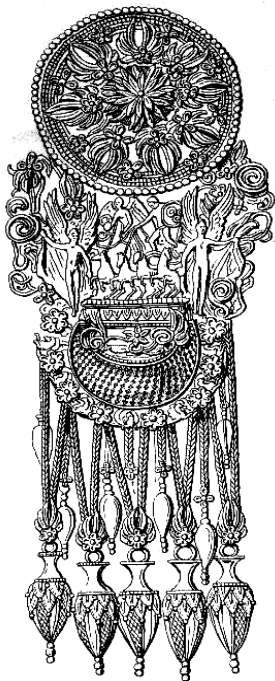

Рис. 6. Золотая серьга филигранной работы, найденная при раскопках И. К. Айвазовского 1853 г. 330–300 гг. до н. э. ОАМ ГЭ. Ф. 1 (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIII, 5).

Рис. 7. Фрагмент золотой серьги с изображением колесницы с Никой, апобатом и Эротами. 330–300 гг. до н. э. ОАМ ГЭ. Ф. 1 (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIII, 5а).

4. «Золотая цепочка со сфинксом, с каждого края цепочки голова медведя» (в «Извлечении...» описано как «г») такое же проволочное ожерелье, с львиными головками на концах»; в описи вещей, поступивших в Эрмитаж – «9. Ожерелье из плетеной золотой цепочки с фермуаром, представляющим с одной стороны львиную голову, а с другой – узел, и с подвеской, изображающей сфинкса» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 № 9)¹⁵; в перечне «Извлечения...» – «i) золотой сфинкс с диадемою на голове» (рис. 8–9). Подчеркну, что та же подвеска со сфинксом по ошибке повторно отнесена де Вильёвым к погребению *во втором кургане*. М. Пфроммер датировал комплекс № 1 (FK 169) началом III в. до н.э. (Pfrommer, 1990. S. 288. FK 169).

5. Золотое ожерелье из 48 бусинок (в перечне «Извлечения...» – «в») ожерелье из круглых дутых бус»; в описи предметов, поступивших в Эрмитаж – «7. Ожерелье из тонких дутых золотых бус»; в ДБК описано как золотое «ожерелье из 46 гладких золотых шариков с застежками на концах» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 № 7; ДБК. 1854. Т. 1. С. 82).

6. Золотое кольцо из 20 круглых чеканных бусин, 26 круглых бусин меньшего размера и 16 бусин овальной формы (в перечне «Извлечения...» – «о») ожерелье из золотых бус с филигранными на них украшениями и с привесками в виде амфор» (рис. 3); в перечне вещей, поступивших в Эрмитаж – «8. Ожерелье из золотых бус с филигранными на них украшениями, с подвесками, имеющими форму амфоры» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 № 8)¹⁶;

¹⁵ В ДБК (Т. 1. С. 78 № 1–2; Т. 3. Табл. XIIa, 1, 2) описано как «ожерелье... из круглой цепочки, сплетенной из золотых ниток; на концах застежки в виде львиных голов, вставленных в обручи, украшенные сканною работою», с подвеской в виде сфинкса. Сфинкс с женской головой, на голове стефана с филигранными пальметками, сидит на постаменте, украшенном сканною работою.

¹⁶ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 3. Золотое ожерелье из 20 филигранных, чуть сдавленных бусин со скошенными стенками и выступающим ободком на ребре (на каждой половинке узор из 7 волют, из

7. «Золотое кольцо грубой работы» (в описи вещей, поступивших в Эрмитаж – «10. Золотой перстень гладкий»; в ДБК описано как золотое кольцо с плоским камнем (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 № 10; ДБК. 1854. Т. 1. С. 82);

8. «Золотое кольцо с камнем, на котором выгравирован ибис» (рис. 10); в описи находок, поступивших в Эрмитаж – «12. Перстень с камнем кальцедона [карандашом исправлено – халцедона. – И.Т.], на котором вырезан аист» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 № 12)¹⁷;

9. «Золотое кольцо змеевидной формы с дельфинами на концах» (рис. 11); в перечне «Извлечения...» – «н) витое кольцо»; в перечне находок, поступивших в Эрмитаж – «13. Золотое кольцо, сделанное спиралью» (Там же. Л. 14 № 13)¹⁸;

10. «Серебряная медаль» [монета. – И.Т.], на одной из сторон которой изображена безбородая мужская голова;

11. «Бронзовая медаль [монета. – И.Т.] плохой сохранности»;

12. «Пара серебряных браслетов, на концах которых золотые львы» (рис. 12); в перечне – «2. Пара браслетов из позолоченного серебра»; в перечне «Извлечения...» – «и) двое серебряных зарукавьев витых, с золотыми концами»; в списке вещей, поступивших в Эрмитаж – «5 и 6.

низ 6 связаны попарно петлями), 24 продолговатых с резным орнаментом, 16 амфоровидных подвесок и двух аграфов. Диаметр филигранных бусин 0.85 см, высота 0.7 см. Опул.: ДБК. Т. 1. С. 78 № 3; Т. 3. Табл. XIIa, 3; Силантьева, 1979. С. 51, табл. 1, 4; 57, прим. 11.

¹⁷ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 12. Перстень-скарабеид с овальной вставкой-инталией из голубого халцедона с изображением стоящей цапли, в золотой подвижной оправе. 1.8×1.3 см. Местная работа – подражание оригиналу Дексамена Хиосского. Не ранее последней четверти V в. до н.э. (Неверов, 1973. С. 59, 61. Прим. 41). В ДБК (Т. 1. С. 82. № 8; Т. 3. Табл. XIIa, 8) описан как «резной вглубь калцедон. На нем представлен журавль, щиплющий крыло клювом. Оправа состоит из обруча, повертывающегося на оси, которая проходит сквозь камень».

¹⁸ В ДБК (Т. 1. С. 82. № 6; Т. 3. Табл. XIIa, 6) описано как «массивное кольцо из электрума, в виде спирали, оканчивающейся изображением лежащего льва».

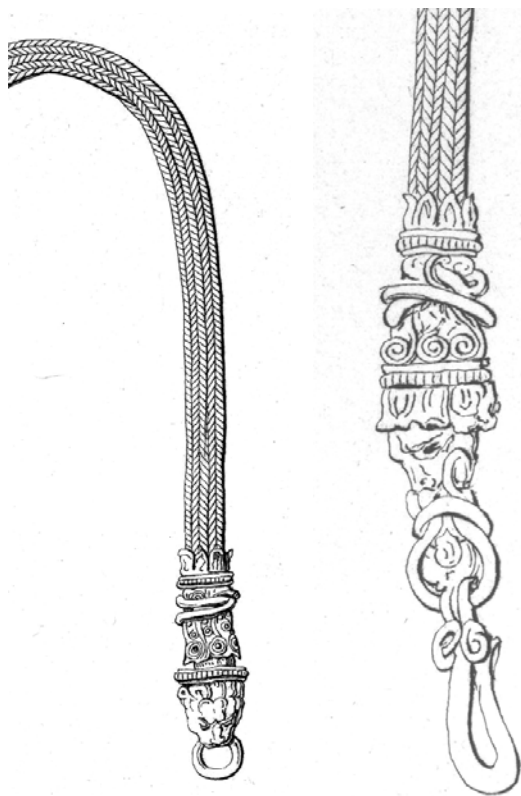

Рис. 8. «Ожерелье из плетеной золотой цепочки с фермуаром, представляющим с одной стороны львиную голову, а с другой – узел». ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIII, 1).

Рис. 9. Подвеска в виде сфинкса в stefane к ожерелью из плетеной золотой цепочки (см. рис. 8). ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIII, 2).

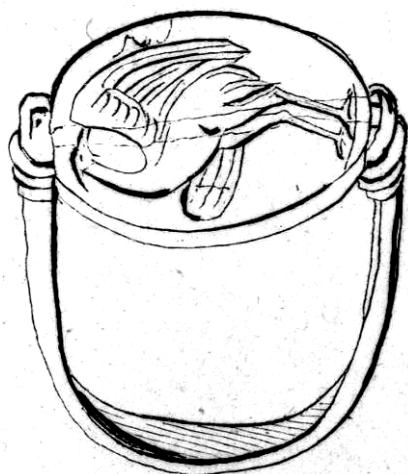

Рис. 10. Перстень-скарабеоид с овальной вставкой-инталией из голубого халцедона с изображением стоящей цапли, в золотой подвижной оправе. Последняя четверть V в. до н. э. ОАМ ГЭ. Ф. 12. (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIII, 8).

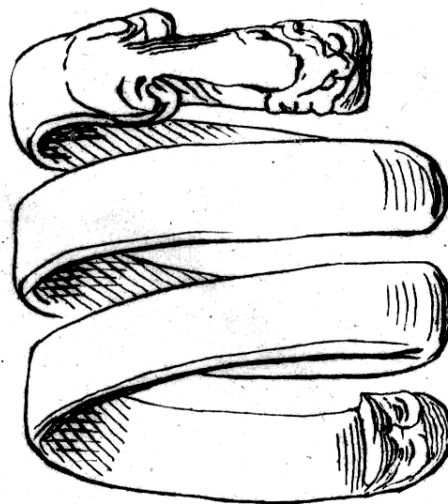

Рис. 11. Кольцо из электра в виде спирали, оканчивающейся изображением лежащего льва. ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIII, 6).

Два серебряных браслета, сделанные спиралью, с золотыми оконечностями, представляющими львиные головы» (Там же. Л. 14 № 5–6)¹⁹;

13. «Три одинаковых разбитых глиняных барельефа с изображением женской фигуры» (рис. 13); в описи находок один из них отнесен к «украшению гробницы» (Там же. Л. 15 № 1); в описи вещей, поступивших в Эрмитаж – «1. Фигура в виде барельефа, изображающая богиню»²⁰;

14. «Статуэтка из обожженной глины, изображающая кормилицу с ребенком на руках»;

15. «Восемь глиняных медальонов, представляющих всадника, разящего чудовище» (рис. 14); в «Извлечении...» описаны как медальоны «с оборонными изваяниями амазонок, поражающих оленей»; в описи находок отнесены к «украшениям гробницы», всего семь штук (Там же. Л. 15 №№ 3–9); в списке вещей, поступивших в Эрмитаж – «3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Семь глиняных медальонов, совершенно одинаковых,

на котором изображен охотник верхом на грифоне, убивающий оленя»²¹;

16. «40 глиняных медальонов, с одной стороны позолоченных и представляющих бородатую голову»; в «Извлечении...» – «медальоны с головами Горгон»; в описи вещей, поступивших в Эрмитаж – «14–19. Шесть маленьких глиняных медальонов с изображением головы Медузы и с остатками позолоты; 20, 21. Два в половину менее медальона, на которых также следы позолоты, но нельзя различить изображений, т.к. с них не счищена глина» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 15–15 об. №№ 14–19. Л. 19; ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 46. Л. 29–30; Петрова, Карпенко, 2004. С. 44).

О золотых тисненых «украшениях женской одежды» из первого кургана Е.Ф. де Вильнёв даже не упоминает, что доказывает неполноту представленного им в Одессу списка находок и неточность в описаниях отдельных комплексов (памятники из одного кургана он приписывает другому, и т.п.). Действительно, в опубликованном отчете²² приведен несколько

¹⁹ В ДБК (Т. 1. С. 82. № 7; Т. 3. Табл. XIIa, 7) описаны как «запястье. Два экземпляра... Запястье это сделано в виде спирали; средняя часть его серебряная, а концы золотые и сделаны в виде львиной головы, которая вставлена в обруч, украшенный сканною работой».

²⁰ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 24. «Протома Деметры, в левой руке плод граната, правой богиня придерживает покрывало, спадающее с головы, голова увенчана высокой башенной короной с изображением плодов. Хитон с короткими рукавами скреплен на плечах, на шее ожерелье, в ушах серьги с большими плоскими круглыми подвесками, на руках браслеты. Высота 0.16 м. Глина светло-коричневая с мелкими блестками. Обмазка белая зеленовато-коричневая и черная. Волосы, ожерелье, края хитона исполнены краской красновато-коричневого цвета, кайма покрывала заполнена орнаментом из кружков, зигзагов и точек черного цвета. На тыльной стороне дугообразный выступ с отверстием для подвешивания. Самос, V в. до н.э.». По информации в инвентарной карточке, повторенной в САИ, найдена в 1853 г. в одной гробнице близ Феодосии вместе со статуэткой актера-Геракла и двух женщин, несущих крылатую детскую фигуру, что не соответствует описаниям де Вильнёва; см.: ДБК. Т. 2. С. 100 № 4; Т. 3. Табл. LXXa, 4; Клейман, Кобылина, Силантьева, 1970. Табл. 21. С. 79 № 1; Античная коропластика, 1976. С. 26. № 64.

²¹ Судя по описанию, это терракотовые украшения деревянного саркофага. В ДБК (Т. 2. С. 102. № 10; Т. 3. Табл. LXXa, 10) сказано: «Этот медальон найден в одной и той же гробнице с шестью совершенно такими же медальонами; они лежали подле гроба и первоначально вероятно находились на нем в виде украшения. Все семь экземпляров хранятся в Эрмитаже. Изображение на них ново и любопытно, потому что молодой человек, сидящий верхом на грифе, здесь не Аполлон, как на других изображениях, а житель окрестностей Пантикапеи, что доказывается ее шапкою, азиатскою одеждою и короткими волосами. Итак здесь в первый раз встретились нам люди верхом на грифах, преследующие оленей, тогда как до сих пор мы видели их охотящимися за оленями и грифами». М.И. Ростовцев принял сюжет изображения на терракотовом медальоне от саркофага за «Аполлона на грифоне, поражающего упавшую лошадь» (1925. С. 251, 252). По изображению в ДБК, здесь представлена либо амазонка верхом на грифоне, либо Аполлон Гиперборейский, копьем разящий оленя. Первая половина IV в. до н.э.

²² Подлинная рукопись «Отчета министра уделов Перовского императору об археологических раскопках в России за 1853 год» с подписью-автографом министра от 15 апреля 1854 г. и подлинными рисунками хранится в личном фонде А.С. Уварова (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 203).

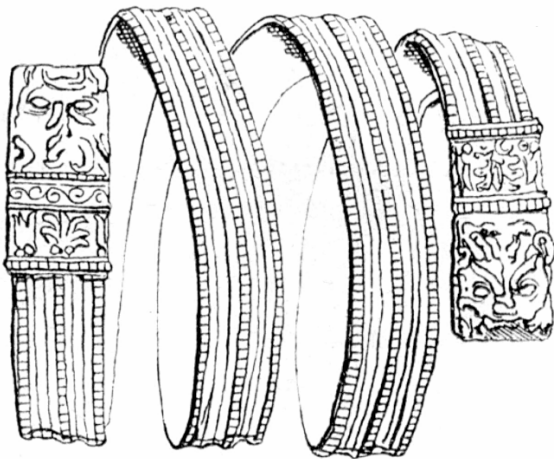

Рис. 12. Серебряные браслеты в виде спирали с золотыми концами в виде львиной головы. ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIIa, 7).

Рис. 13. Протома Деметры, в левой руке плод граната, правой богиня придерживает покрывало, спадающее с головы, голова увенчана высокой башенной короной с изображением плодов. Хитон с короткими рукавами скреплен на плечах, на шее ожерелье, в ушах серьги с большими плоскими круглыми подвесками, на руках браслеты. ОАМ ГЭ. Ф. 24 (по: ДБК. Т. 3. Табл. LXXa, 4).

иной список: помимо «шестнадцати украшений из листового золота, представляющих соединенные листки, три головы Пана и обломков расписной вазы», упомянут ряд предметов из золота и обработанной глины, пополнившие собрание Эрмитажа. В «Извлечении...» читаем: «Из глиняных вещей попадалось много изображений разных божеств... Стоит заметить, что в древней Феодосии глиняные изображения, кроме красок, покрывались еще позолотой» (Извлечение... 1855. С. 127, 128).

Согласно де Вильнёву, во *втором кургане* на глубине 1.5 аршина (1.07 м) от поверхности насыпи была открыта черепичная гробница («1. Саркофаг из обожженной глины»), скорее всего, погребение с кремацией, а также:

2. «Золотой сфинкс, имеющий голову женщины в диадеме» (рис. 9). Как отмечено выше, скорее всего это украшение найдено в первом погребении вместе с плетеным ожерельем (с головкой льва на одном конце и геракловым узлом с петлей на другом);

3. «Золотое кольцо»; в списке находок, поступивших в Эрмитаж – «11. Золотой перстень, несколько расплавившийся с одного края»; Ф.А. Жилем описано как «золотое кольцо с плоским камнем», «наполовину сплавленное, вероятно, при сожигании тела на костре» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 № 11; ДБК. Т. 1. С. 82);

4. «Золотые серьги»; в перечне «Извлечения...» – «к) пара золотых серег, в виде виноградной кисти» (рис. 17); в списке предметов, поступивших в Эрмитаж – «15 и 16. Пара серег, представляющих виноградную кисть» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 об. № 15–16)²³;

5. Три золотых пластинки (бляшки) «в двух вариантах»; в «Извлечении...» – «л) три головы Медузы, оттиснутые на бадебном [тисненом. – И.Т.] золоте» (рис. 18); в списке предметов, поступивших в Эрмитаж – «17, 18, 19. Три маленьких от-

²³ В ДБК (Т. 1. С. 82. № 11; Т. 3. Табл. XIIa, 11) описана как «серьга с подвескою из электрума. Два экземпляра. Серьга эта состоит из витого кольца с подвескою, сделанной из двух половинок, вместе спаянных и на которых оттиснуто украшение в виде грозди винограда».

печатка головок на золотом листе» (Там же. Л. 14 об. № 17–19. Л. 18)²⁴.

В *третьем кургане* найдены:

1. «Маленькая золотая головка быка» (рис. 19); в описи находок – «14. Бычачья голова из дутого золота в виде подвески» (Там же. Л. 14 об. № 14);

2. «Пара браслетов из позолоченного серебра» – скорее всего де Вильнёвым повторно описаны предметы, найденные в первом кургане, см. № 12 (рис. 12);

3. «Два глиняных лакриматория» (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 46. Л. 30).

В *четвертом кургане* обнаружили:

1. «Глиняную статуэтку в виде двух держащихся за руки женщин в задрапированных одеждах, на их плечах сидит ребенок, он тоже в задрапированной одежде» (рис. 20); в описи находок отнесены к «украшениям гробницы» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 № 2); в перечне вещей, поступивших в Эрмитаж – «2. Две женские фигуры, держащие на плечах изображение божества»²⁵;

2. «Глиняный лакриматорий» (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 46. Л. 30 об.).

В письме И.К. Айвазовскому от 31 июля 1853 г. Л.А. Перовский упомянул также «украшения женской одежды из вы-

тисненного золота» (16 экземпляров), представляющих «соединение нескольких листков», видимо, бляшки в виде цветка лотоса (рис. 15), и «три головы Пана» (рис. 16)²⁶. Из сохранившихся документов неясно, где именно они были найдены. Неизвестно и место находки другого золотого предмета, упомянутого в «Извлечении...» – «д) золотая булавка с изображением передней части какого-то мифического животного с львиною головою, бараньими рогами и крыльями» (рис. 21); в описи находок, поступивших в Эрмитаж – «4. Булавка, изображающая голову грифона» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 № 4)²⁷.

Рис. 14. Терракотовый медальон с изображением амазонки (Аполлона Гиперборейского?) верхом на грифоне, копьём разящей оленя. ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. LXXa, 10).

²⁴ В ДБК (Т. 1. С. 82. № 10; Т. 3. Табл. ХШа, 10) описана как «медузина маска из электрума. Три экземпляра. Она оттиснута на бляхе с тремя дырками и служила украшением одежды...».

²⁵ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 23. «Статуэтка с изображением двух женщин, несущих на плечах детскую фигуру в плаще, с длинными кудрявыми волосами, с крыльями за плечами (возможно Деметра, Кора и Якх). Женщины одеты в длинные хитоны и покрывала, спускающиеся с головы и свисающие спокойными складками, подчеркивающими формы тела. У женщин волосы с прямым пробором, строгие черты лица, движения переданы в свободной манере. Группа стоит на массивной четырехугольной подставке. Высота 0.202 м. Глина розово-красная с белыми включениями и мелкими редкими блестками, сохранились следы белого ангоба, голубой и красной красок. Обратная сторона статуэтки плоская, с большим вырезом. Местная работа по привозной форме». Вторая половина V в. до н.э. В инвентарной карточке, информация которой повторена в САИ, неверно записана как найденная вместе со статуей Геракла при раскопках князя А.А. Сибирского в 1853 г. (sic!) позади городского карантин в кургане № 7. Оpubл.: ДБК. Т. 3. Табл. LXXa, 1; ОАК за 1863 г. С. 37; Клейман, Кобылина, Силантьева, 1970. Табл. 23, 5. С. 80 № 7.

²⁶ В ДБК (Т. 1. С. 156; Т. 3. Табл. XXII, 26, 28) они описаны как золотые тисненные бляшки двух типов: «26. Тисненная бляха с четырьмя дырками, представляющая маску Пана, широкого стиля и самой отчетливой работы. Три экземпляра... Служили в виде украшения одежды. Они были найдены в 1853 г. на том месте, где полагают древнюю Феодосию, на холме близ нынешнего города. Присланы от графа Л.А. Перовского; [...] 28. Тисненная бляха, представляющая, кажется, цветок силфиума, а может быть и лотоса. На бляхе четыре дырочки. 16 экземпляров. Найдены вместе с № 26».

²⁷ В ДБК (Т. 1. С. 82 № 12; Т. 3. Табл. ХШа, 12) описана как «шпилька или булавка. Головка сделана в виде фантастического крылатого льва с двумя козлиными рогами, откинутыми назад. Вдоль спины животного поднимается хребет, оканчивающийся между рогами в виде пера... Туловище льва выбивной работы; крылья, спинной хребет, детали головы, а равно и украшения, которые тянутся вдоль груди, чеканной работы».

В том же письме И.К. Айвазовскому Л.А. Перовский высказал ряд методических рекомендаций по проведению работ: совет сносить курганный насыпь до материка – «при раскопке следует срывать курган до основания, чтобы обнаружить все находящиеся в нем гробницы», при находках фрагментов расписной керамики не терять их куски, так как разбитые вазы «подлежат восстановлению»; в случае открытия серебряных или медных монет «нужно быть особенно внимательными» из-за их большой нумизматической ценности (Там же. Л. 6–7). 4 августа 1853 г. Л.А. Перовский известил И.К. Айвазовского, что полученные находки были представлены императору Николаю I, который остался ими очень доволен и повелел препроводить вещи в Эрмитаж (Там же. Л. 9). В следующем письме от 10 октября 1853 г. министр уведомил профессора, что ему «приятно» было получить письмо с рисунками найденных вещей» и просил переслать новые находки в Петербург (Там же. Л. 10). К сожалению, письмо И.К. Айвазовского с рисунками находок в архивном деле отсутствует.

«Лестное для меня письмо Ваше от 10 октября, я имел счастье получить и согласно желанию Вашего Сиятельства с сегодняшней почтой отправляю все золотые вещи и несколько глиняных статуэток и украшений, – сообщал И.К. Айвазовский Л.А. Перовскому 9 ноября 1853 г. из Феодосии. – Остальные большей частью не цельные и менее замечательные возьму с собой. Надеюсь, что благополучно доедут, только гораздо позже получите вероятно, нежели письмо.

Весьма сожалею, что при нынешних обстоятельствах на юге не могу оставить семейство, и родных, которые, как и все жители Крыма в страхе²⁸. Как не уверяем в безопасности, все напрасно, пока не будут приняты меры для защиты не только противу неприятеля с моря, но даже противу татар. Надеюсь, однако, в конце декабря приехать в Петербург, и тогда остальные вещи привезу.

²⁸ Речь идет о начавшейся в октябре 1853 г. Крымской войне.

Рис. 15. Золотая нашивная бляшка в виде цветка лотоса.
ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XXII, 28).

Рис. 16. Золотая нашивная бляшка в виде маски Пана.
ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XXII, 26).

Рис. 17. Электровая серьга с подвеской в виде виноградной кисти.
ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIIa, 11).

Рис. 18. Электрическая нашивная бляшка в виде головы Медузы в фас. ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. XIIa, 10).

Рис. 19. «Бычачья голова из дутого золота в виде подвески», найденная либо при раскопках кн. А.А. Сибирского в античном некрополе на Карантинной горке в августе 1852 г., либо при раскопках И.К. Айвазовского в 1853 г. ОАМ ГЭ (по: ДБК. 1854. Т. 3. Табл. XIIa, 9).

Насчет кордона я давно имел честь писать, что передано подрядчику, и 500 р[ублей] с[еребром] отдал вперед, но здешний командир пограничной стражи делает затруднения, и при остановке работы по причине, что место неудобное для кордона. Вследствие этого я предложил другое место во всех отношениях выгодное и одобренное феоdosийским майором пограничной стражи²⁹, но г. Добровольский³⁰, несмотря на это, не отвечает ему ни слова из Симферополя, и чрез это два ме-

²⁹ Возможно, ротный командир Таврической полубригады пограничной стражи, майор М.П. Иванов.

³⁰ Имеется в виду командир Таврической полубригады пограничной стражи полковник В.А. Добровольский.

сяца потеряли. Наконец я писал к князю Гагарину в Керчь³¹, дабы он приказал скорее выбрать место для кордона. Еще ответа не получил.

Я долго не смел беспокоить Ваше Сиятельство с этой тяжбой, надеясь, что г. Добровольский сам приедет или укажет место, но не дождавшись по сие время, я решился писать к Вашему Сиятельству, и ежели об этом потрудитесь написать керченскому градоначальнику или генералу Федорову³², то вероятно тем прекратятся все затруднения со стороны этих чиновников. Тем более досадно, что кордон, который будет построен на счет Вашего Сиятельства, то верно в четверо дороже будет стоить, нежели ныне настоящее³³. Кроме того я свой участок земли около десятины отдаю для этого.

Рис. 20. Терракотовая статуэтка с изображением двух женщин, несущих на плечах детскую фигуру в плаще, с длинными кудрявыми волосами, с крыльями за плечами (возможно Деметра, Кора и Якс). ОАМ ГЭ. Ф. 23 (по: ДБК. Т. 3. Табл. LXXa, 1).

³¹ Гагарин Дмитрий Иванович (1797–1895), князь, генерал-майор, керчь-еникольский градоначальник.

³² Речь идет об «исправляющем должность» новороссийского генерал-губернатора генерал-лейтенанте П.И. Фёдорове.

³³ Так в тексте.

Камней для будущего купленного домика приготовлено до двух тысяч, в аршин [0,71 м] длиною, и сделана канава кругом участка земли. Остальные деньги будут мною уплачены подрядчику, по условию.

Жена моя³⁴, желая сколько-нибудь исполнить поручение Ваше, занялась укладкой вещей и вообще, привела в порядок, и часто заезжала с нами на курганы и просеивала землю. Она поручает передать Вашему Сиятельству усердный свой поклон.

Племянник мой Мазиров³⁵, который постоянно находится при разрытии курганов и ныне при хорошей погоде займется изысканиями, до отъезда в Петербург, а после я передам другому своему родственнику³⁶, который смотрит по части строений как архитектор <...>» (Там же. Л. 11–12 об).

Сохранилось сопроводительное письмо Л.А. Перовского в Министерство двора к А.П. Шувалову с приложением списков золотых и глиняных вещей, найденных в Феодосии, для «препровождения их в Эрмитаж». Граф просил прислать чиновника из императорского собрания «для принятия этих вещей». Таким чиновником оказался хранитель I Отделения Эрмитажа, академик Л.Э. Стефани (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 13, 16). В описях традиционно для того времени феодосийские находки распределены по материалу изготовления – золото, серебро, керамика, терракоты и т.п.

В описи «вещей из сженной глины», помимо уже названных, перечислены следующие «украшения гробницы», не упомянутые в рапортах о раскопках (Там же. Л. 15 №№ 10–13):

«10. Стеклянная слезница (скорее всего, алебастровый алабастр. – *И.Т.*);

11. Маленький кувшин из черной глины с ручкой;

³⁴ Имеется в виду первая жена И.К. Айвазовского (с 1848 г.) Юлия Яковлевна Гревс.

³⁵ Речь идет о племяннике И.К. Айвазовского, сыне сестры художника Леониде (Левоне) Мазирове, который выполнял различные поручения по подготовке выставок, продаже картин и пр.

³⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

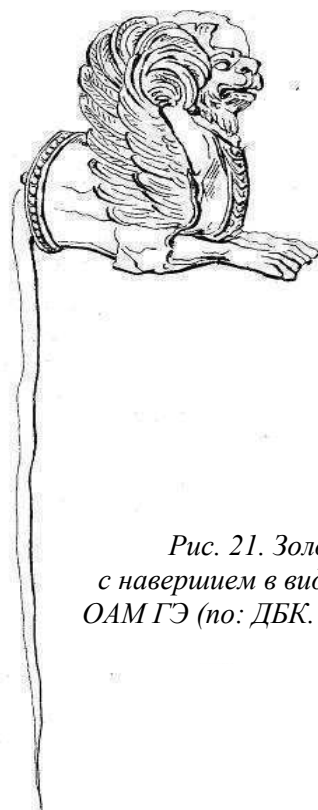

Рис. 21. Золотая булавка с навершием в виде головы грифона. ОАМ ГЭ (по: ДБК. Т. 3. Табл. ХШа, 12).

12. Маленький кувшин из красной глины с ручкой;

13. Маленькая фигура, представляющая сценическое изображение Геракла в карикатуре» (рис. 22)³⁷.

Аналогичные списки находок сохранились в делах Архива Государственного Эрмитажа (АГЭ. Ф. 1. Оп. I–1852. Д. 30 Ф. 1. Оп. VI-E¹. Д. 13. Тетр. 1, 4).

³⁷ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 22. «Актёр старой комедии в роли Геракла, стоит, скрестив ноги, правой рукой опираясь на палицу, в левой руке держит лук. На голову наброшена львиная шкура, завязанная под подбородком и спадающая на плечи и за спину. Одет в короткий подпоясанный хитон, на лице маска. Стоит на плоской прямоугольной базе. Высота 0.079 м. Глина коричнево-красная с мелкими блестками, сохранились белая обмазка, остатки желтой краски на шкуре льва, пурпуровой на хитоне, розовой на обнаженных частях тела». Статуэтка привозная аттического типа, V в. до н.э. В инвентарных карточках ОАМ, использованных авторами САИ, описана как найденная «при раскопках кн. Сибирским в 1854 г. (sic!) в кургане № 7 вместе с другой (ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 23)». Оpubл.: ДБК. Т. 3. Табл. LXXa, 6; Передольская, 1958. Рис. 5; Клейман, Кобылина, Силантьева, 1970. Табл. 23, 4. С. 80 № 5.

Рис. 22. Терракотовая статуэтка с изображением актера старой комедии в роли Геракла.

ОАМ ГЭ. Ф. 22 (по: ДБК. Т. 3. Табл. LXXa, б).

Обеспокоенный отсутствием известий из Петербурга, 19 января 1854 г. И.К. Айвазовский обратился к Л.А. Перовскому с просьбой сообщить, получены ли находки в столице: «В ноябре я имел честь отправить Вашему Сиятельству найденные в Феодосии древности, не имея по сие время известия о получении оных. Меня крайне беспокоит, не случилось ли что-нибудь с почтой?, так как были ужасные дороги в то время.

Два месяца как у нас постоянно морозы, и потому давно приостановили раскопку курганов, только весной можно будет продолжать.

Наконец таможенная стража увязала место для кордона, которое я сам им предложил с самого начала, и место это целая верста [1065 м. – И.Т.] далее от Вашего участка. Но по причине холодной зимы не могли начать постройку, а с ранней весной и летом же будет окончена.

Настоящие обстоятельства помешали мне приехать зимой в Петербург, несмотря на славные наши победы, береговые жители в страхе, и как мы не стараемся уговаривать, но все напрасно, так что и мы переебрались к себе в имение. Кроме этого обстоятельства еще другая причина меня

удерживает в Крыму, это заказы Его Императорского Величества, взятие пароходов, кроме того я теперь пишу чудное Синопское дело³⁸. Для сведения я жил несколько времени в Севастополе³⁹, где я мог собрать самые верные сведения <...>» (РА ИИМК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 20–21)⁴⁰.

6 февраля 1854 г. Л.А. Перовский сообщил художнику о благополучной доставке феодосийских находок и поручении директору Керченского музея древностей А.Е. Люценко с наступлением весны отправиться в Феодосию с целью «осмотреть все тамошние курганы, которые следует раскопать, ровно как и те, которые уже были раскопаны». Айвазовскому вместе с Люценко было поручено снять план местности, где находятся курганы, окружающие Феодосию, с указанием их расположения относительно города. Л.А. Перовский просил художника показать А.Е. Люценко глиняные предметы, которые Айвазовский намеревался отвезти в Петербург, и «если среди них есть замечательные», отправить их в столицу (Там же. Л. 22–22 об). Уже 9 февраля 1854 г. Л.А. Перовский информировал А.Е. Люценко о блестящих результатах раскопок И.К. Айвазовского в Феодосии, поручив ему «поехать в Феодосию и внимательно осмотреть все раскопанные и нераскопанные курганы», осмотреть находки и «тщательно упаковав», отправить в Петербург для их реставрации (Там же. Л. 23–23 об).

Однако А.Е. Люценко, занятый собственными раскопками, смог выполнить поручение министра только в декабре. Рапортом от 16 декабря 1854 г. он сообщил, что приехав в Феодосию, надеялся найти там И.К. Айвазовского, чтобы художник

³⁸ Имеется в виду картина И.К. Айвазовского «Синопский бой», написанная зимой 1853 г., ныне хранящаяся в Центральном военно-морском музее в Петербурге.

³⁹ 30 апреля 1854 г. в фронтовом Севастополе открылась выставка произведений И.К. Айвазовского «для представления на суд... морякам, участвовавшим в делах, которые он выбрал предметом для этих картин» (Айвазовский, 1967. С. 333. Прим. 95).

⁴⁰ Фрагмент письма опубл.: Айвазовский, 1967. С. 115 № 86, но с неверным и неполным архивным шифром.

показал ему раскопанные курганы, но профессора в городе не оказалось, поэтому археологу «пришлось прибегнуть к помощи проводников». Согласно его описанию, главная цепь курганов близ Феодосии тянется по гребню гор, окружающих этот город и его бухту, в виде амфитеатра от монастыря Св. Илии до Лысой горы. Кроме этой цепи есть еще несколько второстепенных курганов и насыпей, которые занимают отдаленные пункты на скатах гор напротив монастыря, на крутых берегах моря и на Лысой горе. Число «самых замечательных» курганов доходит до пятидесяти, причем большая их часть уже раскопана, «как кажется, весьма поверхностно, в особенности те, которые состоят из каменных насыпей, представляющих большие затруднения для окончательной разработки»; «нетронутых курганов не более шести, считая в том числе некоторые бугры, по-видимому, насыпные». Насыпь кургана, где были найдены золотые вещи, по заключению А.Е. Люценко «расследована достаточно, хотя можно было бы сделать несколько раскопов вокруг нее, чтобы удостовериться, что поблизости нет другой гробницы». Два других кургана «разрыты только посередине и притом, кажется, не очень глубоко, боковые части нетронуты». Таким образом, раскопки И.К. Айвазовского проводились колодцем с верхушки насыпи, т. е. по центру кургана, а полы курганов оставались неисследованными. Методические рекомендации Л.А. Перовского художник проигнорировал.

«Проводники» сообщили А.Е. Люценко, что в этих курганах, «разрытых неизвестно кем и когда», ничего не было найдено, поэтому по убеждению директора Керченского музея необходимо было их подробное исследование. «Трудно предположить, – писал археолог, – какая сумма может потребоваться для расследования феодосийских курганов, давно раскопанных и от времени завалившихся так, что теперь нельзя определить ни их первоначальной формы, ни глубины и места раскопов». А.Е. Люценко посчитал, что 1000 руб. серебром позволили бы «разработать» упомянутые курганы, которые ему представлялись наиболее интересными (Там же. Л. 24–26 об).

В следующем рапорте от 18 мая 1855 г. А.Е. Люценко сообщил Л.А. Перовскому, что отправил в Феодосию племянника И.К. Айвазовского, губернского секретаря Л. Мазирова «для отыскания в доме дяди поврежденных глиняных вещей», найденных при раскопках феодосийских курганов в 1853 г. Эти находки граф просил доставить в Петербург «для реставрирования». Л. Мазиров привез Люценко «обломки глиняных украшений в виде маленьких медальонов с изображением вызолоченной головы медузы», которые плохо сохранились и реставрации не подлежали из-за отсутствия многих кусочков. Кроме медальонов, в числе привезенных вещей им упомянута одна «замечательная» терракотовая статулька, представляющая «сидящую негрятянку» (рис. 23),

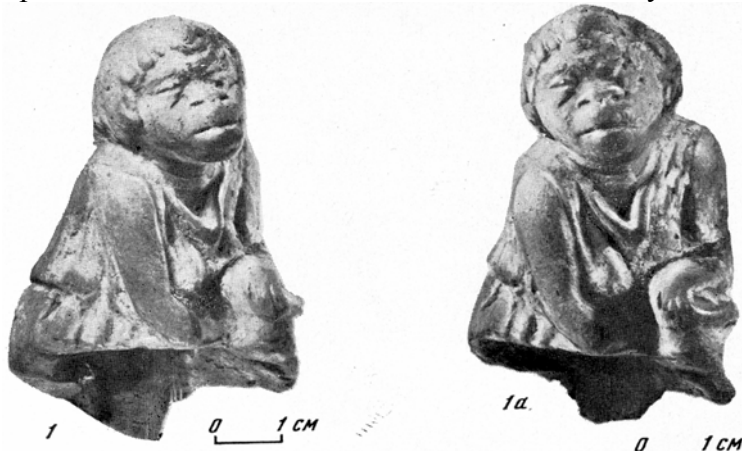

Рис. 23. Терракотовая статулька (фрагмент) карикатурного изображения старой женщины, опирающейся обеими руками на сосуд. Аттика, 2 половина V в. до н. э.
ОАМ ГЭ. Ф. 27 (по: САИ. 1970. Табл. 22, 1, 1а).

но ее нижняя часть была обломана, «и кусков, принадлежащих ей, нигде нет»⁴¹.

По словам Мазирова, она была «вынута из гробницы» именно в таком поврежденном виде. Эта статуэтка была отдана некоему Бешчеву для передачи графу Л.А. Перовскому вместе с находками, которые «могут быть сделаны летом 1855 г. в Черномории» (на Таманском полуострове). Мазиров также привез одну вазу «с обыкновенным рисунком и при этом плохо сохранившуюся», скорее всего, краснофигурную пелику керченского стиля; другая древняя ваза, найденная в обломках, с рельефным изображением на ней какой-то мифологической сцены, «при всех стараниях не нашлась» (Там же. Л. 27–28).

Эти документы свидетельствуют, что, несмотря на строгие предписания Л.А. Перовского с требованием вести дневник раскопок и составлять описи находок по комплексам, И.К. Айвазовский не выполнил требования графа и представил в Петербург лишь наиболее ценные, но далеко не все находки.

После внезапной смерти Л.А. Перовского руководство Комиссией по исследованию древностей перешло к графу С.Г. Строганову. 15 октября 1858 г. официальным отношением из Майербурга С.Г. Строганов просил И.К. Айвазовского представить приходно-расходную книгу с росписью расходов на 2500 руб. серебром, выделенных на раскопки в Феодосии графом Л.А. Перовским, а также «передать оставшиеся от раскопок древности» на хранение директору Керченского музея. 20 января 1859 г. Айвазовский подтвердил получение от Л.А. Перовского лишь 1500 руб. на проведение археологических рас-

копок, которые были «употреблены для раскапывания 80 древних курганов» в окрестностях Феодосии. По уверению И.К. Айвазовского, приходно-расходная книга с подробным изложением распределения этих средств была вручена им лично вместе с незначительными остатками денег Л.А. Перовскому в октябре 1852 г. в Петербурге, а находки переданы графу и хранятся в Эрмитаже (Там же. Л. 29–30 об). И.К. Айвазовский перепутал дату своего свидания с Л.А. Перовским, так как его раскопки относились к 1853 г., причём осенью 1853 и зимой 1853–1854 гг. он оставался в Феодосии, затем уехал в Харьков и Севастополь. Судьба значительных средств, ассигнованных Л.А. Перовским на раскопки (1500 руб. сер.) и строительство «кордона» (2000 руб. сер.), по большей части осталась неизвестной властям. Возможно, именно на эти деньги академик Академии художеств И.К. Айвазовский возвел новое здание Феодосийского музея древностей, подаренное им городу. В новое здание на горе Митридат музей переехал из старой турецкой мечети только в 1871 г. (Тункина 2011, 184–188).

В делах Императорской Археологической комиссии сохранилась «Опись древностям из греческих колоний в Южной России», найденных в бумагах графа Л.А. Перовского после его смерти и переданных в Эрмитаж 1 мая 1859 г. Она включает перечень находок в Феодосии и ряд беспаспортных вещей, вполне возможно, найденных там же:

«I. При разысканиях Айвазовского в Феодосии в 1853 г.: обломок глиняной статуэтки (склеен).

II. Вещи, которые были переданы после графа Л.А. Перовского без описи:

1. Глиняное поясное изображение женской фигуры [протома Деметры? – *И.Т.*];
2. Глиняная большая человеческая маска;
3. Разные глиняные статуэтки (8 шт.);
4. Обломок статуэтки;
5. Глиняный барельеф;
6. Греческая расписная амфора;
7. Глиняные вазочки разной формы (3 шт.);

⁴¹ ОАМ ГЭ. Инв. № Ф. 27. «Фрагмент карикатурного изображения старой женщины, опирающейся обеими руками на сосуд. Волосы локонами обрамляют лицо с безобразными обезьяноподобными чертами. На женщине безрукавный подпоясанный хитон, поднятые плечи придают фигурке слегка горбатый вид, грудь обвислая. Высота 0.72 м. Глина оранжево-коричневая, обмазка белая. Внутри статуэтка полая, тонко моделирована со всех сторон, нижняя часть утрачена. Аттика, 2 половина V в. до н.э.». Опул.: ОАК за 1864. Табл. IV, 7; Клейман, Кобылина, Силантьева, 1970. С. 79 № 2.

8. Серебряные круглые браслеты (2 шт.), на конце одного из них уцелела львиная голова из электра;

9. Серебряный плоский браслет в виде змейки;

10. Бронзовые аграфы [пряжки или застежки. – И.Т.], обтянутые толстым листовым золотом (2 шт.)» (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1–1895. Д. 10. Л. 16–17).

Вряд ли художником было раскопано 80 курганов – судя по описаниям А.Е. Люценко, исследовано было лишь три, а по данным де Вильнёва – четыре насыпи, да и то не на снос, а колодцами. Сомнительно и утверждение хранителя Феодосийского музея, что лишь в 4-х курганах были найдены древности, а в остальных 18 (или 76, по И.К. Айвазовскому) лишь остатки безинвентарных кремаций.

Сотрудники Комиссии Л.А. Перовского и хранители Императорского Эрмитажа сразу оценили уникальность и редчайшую красоту находок из курганного некрополя античной Феодосии: «Такое удачное начало феодосийских изысканий подает надежду, что основательное и систематическое исследование сей местности, человеком сведущим и опытным в археологии, доставит богатые вклады для Музея

Эрмитажа и, с тем вместе, важные данные для науки» (Извлечение... 1855. С. 127, 128). К археологическим раскопкам И.К. Айвазовский подходил не как ученый, а скорее как художник, – полевые работы становились источниками пополнения императорского (и, видимо, его личного) собрания изящными произведениями античного искусства. Характерное для эпохи «детства» классической археологии отсутствие полноценной фиксации открытых объектов, несовершенство методики исследований, безразличие к рядовому материалу, краткость описаний хода «раскопок» в частных письмах профессора графу Л.А. Перовскому, а не в официальных рапортах, противоречивость и неполнота реестров уникальных памятников античного искусства и ремесла, поступивших в Эрмитаж, – все эти обстоятельства практически сводят на нет результаты археологических исследований И.К. Айвазовского и Е.Ф. де Вильнёва 1853 г. Именно поэтому значительная часть археологически значимой информации о раскопках середины XIX в. некрополя античной Феодосии безвозвратно утрачена для науки (Тункина, 2011. С. 222).

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-00005а) и РГНФ (проект № 12-01-00008а).

Библиографический список

Айвазовский: Документы и материалы. Ереван, 1967.

Античная коропластика: Каталог выставки / ГЭ. Л., 1976.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.; Прага, 1966.

Барсамов Н.С. И.К. Айвазовский. 1817–1900. М., 1962.

Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855.

Клейман И.Б., Кобылина М.М., Силантьева Л.Ф. Описание терракот Феодосии // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. Ч. 2. С. 79–82 (САИ. Вып. 1Г–11).

Максимова М.И. Миниатюрная группа на феодосийских серьгах // ТГЭ. 1958. Т. 2. С. 62–66.

Неверов О.Я. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 51–61.

Передольская А.А. К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре // ТГЭ. 1958. Т. 2. С. 55–61.

Петрова Э.Б. О начальном периоде археологических исследований в Феодосии: Вильнев, Сибирский, Айвазовский // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 598–607.

Петрова Э.Б., Карпенко А.В. Письма Е.Ф. де Вильнёва в ООИД: 150 лет с начала археологических раскопок в Феодосии // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 3–4. С. 37–47.

Рогов Е.Я. О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства: ММНК. СПб., 2001. Ч. 2. С. 66–73.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Саверкина И.И. Золото Боспора: Дополнительные материалы из собрания Государственного Эрмитажа // Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э.: Каталог выставки / ГЭ. СПб., 1995. С. 264–266.

Саверкина И.И. Роскошные серьги в Эрмитаже и других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 12–18.

Силантьева Л.Ф. Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 49–58.

Скржинская М.В. Изображение апобата на серьгах из феодосийского некрополя и сюжеты с апобатами на вазах из Северного Причерноморья // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: ММНК. СПб., 2002. Ч. 1. С. 129–133.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.

Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Тункина И.В. Открытие Феодосии, 1771–1871: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. Киев, 2011.

Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz, 1985.

Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990 (Istanbuler Forschungen. Bd. 37).

Reinach S. Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). Rééditées avec un commentaire nouveau et un index général des Comptes Rendus par Salomon Reinach. Paris, 1892.

С.В. Кузьминых выступает с докладом на симпозиуме в г. Марбурге-на-Ланне (Германия), 2009. Фото Детловой Е.А.